

БОРИС МЕЛЕН

H-53

P 187427

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

СТИХИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1938

БОРИС НЕПЕИН

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

С Т И Х И

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АРХАНГЕЛЬСК * 1 9 3 0

Отпечатано в типографии
изд-ва „Правда Севера“
им. тов. Склепина.

Архангельск, Набережная
Сев. Двины, 68.

Севкрайлит № 494

Гиз 34.517 Ар X—4

Тираж 2.500 экземпляров.

*„И ветер тож не отстаёт:
Он с нами свищет и поёт“.*

Ив. Молчанов.

УТРО КРАЯ

ПЯТИЛЕТКА СЕВЕРА

Чертежами построек
Суровый твой ход перемечен.
Переплеты путей
Сквозь леса и болота легли...
Ты проходишь,
Метелями кутая плечи,
По обветренной карте
Окраинной нашей земли.

Пятилетка!
И тундры разбужены эхом,
Перекличка гудков
Унеслась далеко в пустыри,
И один за другим
Поднимаются годы, как вежи,—
Электрическим солнцем
Над бледным сияньем зари.

От печорских быстрин
До размытых порогов Онеги,
С ледников Беломорья
До кубинских топких равнин

Разметавшийся край —
Под дождями, туманом и снегом —
Маяком зажигает
Заводских поселков огни.

Здесь глухая земля
Растревоженным трактором
Бредит.
На колхозных полях
Заглушаются межи овсом.
И, ворча, покидают
Родные уголья
Медведи,
Отступая в последние дебри
Лесов.

Застилаются реки
Тяжелыми бревнами сплава,
Лесопилки по устьям,
Как верные стражи, стоят.
И шершавые доски
Текут непрерывною лавой,
И сухие опилки
Поземкой смолистой летят.

Угловатые штабели
С розовым экспортным тесом
На платформы широкие
Нагружены.
И, готовы отдать
Напряженно-дрожащие тросы,
Лесовозы дымят
У высоких причалов Двины...

Пролетает норд-ост
По лугам,—
Сыроватый и горький,
На молочные травы
Ложится прозрачной росой,
И с вечерним удоем
Стадами идут холмогорки
К ароматному клеверу
В теплый недвижимый покой...

* * *

Пятилетка!
Придет побежденное время—
Перечеркнуто планом—
Покорно склониться к тебе!
И в усилии одном—
Древесина, железо и цемент,
Если тысячи воль
Соревнуют
В последней борьбе.

Чертежами построек
Суровый твой ход перемечен.
Переплеты путей
Сквозь леса и болота легли...
Ты проходишь,
Метелями кутая плечи,
По обветренной карте
Окраинной нашей земли.

ОКТЯБРЬСКАЯ ЛИРИКА

О, добрая осень,
Подруга стиха!
Твой ход
Переполнен
Звучанием шумным.
Но клонится время,
И стали стихать
За гребнями сел
Потемневшие гумна.

Подводы
Проселком идут
На сыпной,
До ночи
Струится зерно
В элеватор.
Натруженный транспорт
Гудит над страной:
— Цистерн
И вагонов
У нас ма-ло-ва-то!..

Высокая лирика
Будничных дел...
Разбитые шквалы
Бегут, как повстанцы,
И там, где ветряк
Бесшабашно свистел,—
Размеренный гул
Электрических станций.

Чтоб врезалась
Крепь корпусов заводских
В дремучую тишь
Домовитых окраин,
Я вновь
Подниму голосующий стих
За новый
И новый
Индустрии заем.

Строительный пафос
Великих работ...
Потокам трансмиссий—
И падать и литься.
Об этом—хочу,
Но...хозяйственный год
Не может
В скупую строку
Поместиться.

В труде непрерывном—
Героика дня...
Не время—речам
И дебатам пространным...
Кривую под'ема
Упорно хранят
Простые и четкие
Цифры Госплана.

1928

АРХАНГЕЛЬСК

Гремит и грохочет архангельский порт.
Как черные птицы, взлетают лебедки.
И грузчик встречает опасность в упор
Коротким волнением и смехом коротким.

Сверкая густою окраскою труб,
Высокой стеною стоят лесовозы.
Лениво плывет вокруг бортов поутру
Мазутом и нефтью налитанный воздух.

Но срочными рейсами испещрена
В прокуренной штурманской старая карта,—
Недаром, присев на обрубок бревна,
Веснущатый боцман считает стандарты.

На плоские палубы грузится тес.
Наполнены трюмы смолистой валютой.
Дрожит в напряженьи натянутый трос,
И капитан направляется к юту...

К норвежским фиордам идут корабли.
Прощается берег свирепым прибоем.
Колючие ветры полярной земли
До теплых широт провозжают гурьбою.

О, сумрачный город больших перспектив,
Строительный взлет пролетарского лада!
Беспечную праздность за горло схватив,
Ты учишься жить и работать—как надо!

Прибрежною пеной легла старина,
Распахана новь под могучие всходы,—
Недаром ласкает седая Двина
Улыбкой лесной и суда и заводы.

Матросские лица грубеют в борьбе,
И, может быть, твердые плечи согнутся,
Но будут пространства знакомы тебе,
Откуда—увы!—не вернулся Амундсен.

В пустынные воды отчалил „Седов“,—
Сквозь штормы и горы торосов пробраться.
И в синих просторах арктических льдов
Прносятся первые молнии раций*)...

Твой пульс узнают: кочевой самоед,
И коми-рыбак, и помор из Мезени,
Когда через тундры в глухой сельсовет
Почтовую сумку приносят олени.

Стираются грани полярных оков,
В прожекторном свете бесследно сгорая...
И слышен в нестройных руладах гудков
Взволнованный голос встающего края.

*) Рация—принятое сокращенное название радиостанции.

ПЕСНЯ ЛЕСОРУБОВ

Веселая, бродячая
Осенняя пора!
Пошла лесными дачами
Гулянка топора.

Постукивай, поблескивай,
Отточенный топор!
Густыми перелесками
Пройдем на косогор.

Раскачиваться нужно нам,—
Валить седую ель.
Сошлась такая дружная,
Фартовая артель.

Сосна под коркой тонкою
Пахуча и бела,
И в древесину звонкая
Вгрызается пила,

Крушит стальными зубьями
Кряжистые стволы.
И бьет по веткам срубленным
Тугая кровь смолы...

Приходят зори ранние —
Бараки поднимать,
Зовут в соревнование
Упорное вступать.

Все просеки запружены:—
Соседняя артель...
Ужели будем хуже мы,
Ленивее—ужель?!

Делянку срежем начисто,—
Ходи, скользи нога.
Наш лес высоким качеством
Был исстари богат.

Обтесанные бревна мы
Свезем на берега,
И вот плотами ровными
Покроется река...

Густыми перелесками
Пройдем на косогор.
Постукивай, поблескивай,
Отточенный топор!

Ни устали, ни роздыха...
На потных лицах—жар.
В бору на вольном воздухе—
Отчетливей удар.

ОКРУГ

Моя суровая округа!
Еще в снегах твоя краса,
Еще нередко бродят выюги
По разметавшимся лесам.

Но вот, маня весны зазывами,
В лугах вытаявая прель,
Встает над хвойными массивами
Неунывающий апрель.

Под ледяной дорогой длинною,
Гоня волну издалека,
Уже забредила путиною
Проголубевшая река.

— Гордиться ей плотами новыми,
Что поплывут, взрывая гладь!
И будут запани сосновые
Дозором бдительным стоять.

И будут Сухона и Кубина
Частушкой сплавщика звенеть.
Дерев кондовых сколько срублено!
Богатства сколько в каждом пне!

И загрохочет лесопилками
Неразговорчивый наш край.
Буди простор гудками пылками,
Стальными брызгами играй!

Весна упорная тем временем
Раскрасит хмурые поля,
И станет зернами беременеть
Помолодевшая земля.

Привет, привет! Весною рады мы
Взрыхлять загоны новых нив.
Нетерпеливыми бригадами
Шагай, рабочий коллектив!

Тугие плуги ржавь не выела,
Торопится горячий сев.
Сейчас в овинах—песня триера,
Назавтра—трактора напев.

И записать в какие книги нам?—
Пылают руки и сердца,
Чтобы в одно сплошное Тигино
Край превратился до конца,

Чтоб от угрюмой Каргополии
До тотемских глухих сторон—
Одной строительною волею
С селом был город породнён.

Вологда
1929

ПОВЕСТЬ О ПАРОВОЗЕ

Ремонтникам Вологодского
ремонтного завода

Это ты ли
Облезлым и грязным,
Дружище,
В девятнадцатом шлындал
По черным путям?
Это ты ли, без крова,
Одежды и пищи,
В двадцать пятом хирел
На железном кладбище,
Зарастая и ржавея там?

В горле топки пустой
Ночевали прохожие ветры,
Как бродяги ругаясь
И споря во мгле.
И тогда ты мечтал
Быть, как прежде,
Красивым и крепким,
Чтоб дымящиеся километры
Убегали назад
По дрожащей земле.

Ты поведал
Тяжелую, жуткую повесть:
От врага, через фронт,
Прорывались к Плесецкой
Войска.
А седые метели
Бродили вокруг, беспокоясь,
Зажимая хрипящий
И бьющийся поезд
В беспощадных, жестоких тисках..

Напрягались
Последние взмахи и силы,
И корежилась
Рельсов блестящая гладь.
А по проволоке
Проносилось:
...»С. 102... задержать!“...

Ты—ушел..
Этот вечер хороший
И теперь еще не отцвел.
Только... кузов
Был вдрызг изношен
И—не выдержал котел...

А потом..
Как туман—километры..
Неподвижность,
Тоска, покой..
Ночевали прохожие ветры
В горле топки твоей пустой.

* *
* *

Но пришла молодежь
Заводскою бригадой тревожной...
Стукотели, трясли...
А усмешка цвела над губой.
И о чем ты мечтал—
Становилось ясней
И возможней,
Хоть давно воробьи
Подружились с трубой,
А на тендере
Мирно шуршал подорожник...

Много пестрых недель
На леченьи
В громоздком депо
Ты провел,
По свободе желанной терзаясь
И следя,
Как любовно
Шершавым тряпком
Поршень твой
Протирает фабзаяц.

* * *

В перекрестной игре
Голосов —
Молодое,
Задорное счастье.
Паровоз С. 102 —
Готов.
Видишь: крепкое колесо
И упругие, звонкие части.

— Это ты ли,
Дружище мой?...
Ишь, какой—
И нарядный и гордый...
Стелешь дым
Над родной страной,—
По советской деревне
И городу!

ОСТРОВ МУДЬЮГ *)

На берег взбираются волны,
Кругом—несмолкающий гул,
И всходит холодная полночь
Нести боевой караул.

А там, где колышется синий
Полярный, нетронутый лед,
Былины о мертвой пустыне
Мне северный ветер поет.

И стынет взволнованный остров
В преддверьи речной тишины.
Огнями сигнальными остро
Глаза маяка зажжены..

Темнеет. И стонут могилы,
И гром—на болотах глухих.
О, сколько смертей затаили
Промерзлые, топкие мхи!..

*) Остров в устье Сев. Двины, где белые гноили по подземельям и расстреливали свои жертвы.

Встает перегнутой лихолетья
В туманах угасшего дня,
Играя французскою плетью,
Английской винтовкой звеня.

В сырой мерзлоте подземелий—
Отчаянье, голод, цынга...
И залпы расстрелов гремели,
И кровью цвели берега.

„Шушукались звездные точки:
— Откуда, куда и кого,
Куда это вздумалось ночью
Вести семерым одного?“ *)

И, пули встречающий грудью,
Боец-коммунар проклинал
Ветрами хохочущий Мудьюг
И волн набегающий вал...

Стихало... Над серым болотом
Белесый повиснет восход,
Да шаг прошуршит с поворота,
Да гильза пустая блеснет...

* * *

*) Из поэмы Ивана Молчанова „Архангельск“.

Но—утро вступило на остров,
Рассеялся прошлого мрак,
И снова спокойны и просты
И берег, и мель, и маяк.

И моря крыло голубое,
Барашками пенясь вдали,
Качает на легком прибое
Советской страны корабли.

1930

КОТЛАС

Гудит протяжная сирена,
И, кренясь в сонь ленивых вод,
Борта обрызгивая пеной,
Плывет пузатый пароход.

Еще свисток... и звякнут сходни,
И пристань снова забурлит,—
Такая тихая сегодня
В безмолвном блеске мокрых плит.

В нутро распаханного трюма
Рванутся крючья сгоряча,
Лишь только баканщик угрюмый
Поймает брошенный причал...

Мелькают кипы пестрой клади,
И трап согнувшийся скрипит,
А гул растет: там—блок наладить,
Там надо мачту закрепить.

И грузчик на спине широкой
Легко несет тяжелый тюк...
Вот так весь день, кончая к сроку,—
Грузить на Вятку и Устюг.

.....

А помню я иное время,
Иные дни и гул иной,
Когда прибрежным скалам в темя
Хлестал прибой чужой волной.

И ты, тогда мятежный, Котлас,
С тревогой сумрачной следил,
Как шел сентябрь по дымным ветлам,
С росой кровавой на груди.

За днями дни вставали рядом.
Гонялись ночи по пятам.
Грузились ящики снарядов
На опустевшие борта.

.....

Теперь расстреляны обоймы,
Затихли переключки вьюг,
Весь день, до сумерек, спокойно—
Грузить на Вятку и Устюг.

САМОЕДЫ

Не поземка курится
По Норвежской улице.

Плотно пообедав,
Едут самоеды.

Расписная малица
Ширится да пялится.

Но хватает лени
Им не гнать оленей,

Но ласкает губы
Мед янтарных трубок.

А табак—задешево
Разве не найдешь его,

Коль к Госторгу с мехом
Поутру под'ехал...

В сладкой дреме снится
Редкая лисица:

К петле подползает,
Где полярный заяц,

Слышит хруст капкана
Поздно или рано

И—уже в неволе—
Заскулит от боли...

Глубока дорога,—
Будет меха много.

Будет радость следом
В чумы к самоедам.

СТИХИ О ХОЛМОГОРСКОЙ КОРОВЕ

В твоей коренастой породе
В январскую стынь вечеров
О легкой весенней погоде
Скучает голландская кровь.

Ты часто бредешь спозаранка
Хозяйку встречать у дверей,
Пеструшка моя, северянка,
Любимица песни моей!

Прислушайся: чуть потеплеет—
Зовут заливные луга...
... Ты вытянешь медленно шею,
Задумчиво склонишь рога.

А вымя тогда молодое
Набухнет в тугие кряжи,
И пышная тяжесть удоя,
Как ласка, под сердцем лежит.

Когда же над хлевом забрѣзжит
Рассыпчатый майский восход,
По низкому левобережью
Пастух с перестуком пройдет.

И вот, за оградой колхоза—
Поля, и луга,
И стада.
А воздух прозрачен и розов,
И блещет в озерах вода.

Мычишь ты протяжно и звонко,
И землю размякшую бьешь,
И нежное ухо теленка
Губами, как стебель, берешь.

О, сытая, травная вольность,
Кувшинок и кашки пора!
—Подойник уносится полный
С общественного двора.

В крутой суете маслобоек
Гудит сепараторов строй,—
Сбивается масло тугое
Под звучной машинной игрой.

РЫБАК

Шурша качается тростник...
С реки—вечерняя прохлада...
А он у заводи приник
И с поплавка не сводит взгляда.

Чешуйчатая глубина—
В лиловых отблесках заката.
Лениво плещется волна
На каменистых перекатах.

Какая радость в старике
(Ту искру дать какому току),
Когда в морщинистой руке
Забьется золотистый окунь!

Опять в глазах мелькнет огонь,
Такой, как в юности, быть может,
И льнет корявая ладонь
К шероховатой рыбьей коже.

Неслышно крадутся часы
В тиши безветренного плёса...
И долго в сумерках косых
Еще подрагивает лёса.

НА ПЕЧОРЕ

А. Тихову
Евгению Кюн

У лиственниц старых ухватки медвежь:
Как в лапах, застрянешь в корявых корнях.
А над тобою, насмешливо вежлив
Сентиментально качнется ивняк.

Встречая знакомые эти приемы,
Дождливым и серым северным днем,
По скользким откосам шагаем втроем мы
И против течения лодку ведем...

Проснется внезапно охотничий навык,
Бердана в предплечье отдаст тяжело,
И падает утка в осоку, в купавы,
В тростях камышевых ломает крыло.

Вечерняя сладость усталости первой:—
По кедровым сучьям, как белка,—огонь,
Сырая одежда, сухие консервы,
Печорских излучин затишье и сонь.

Случайная песня, под якорный скрежет,
Порхнет в глубину с перекатов глухих...
И думать не надо, и помнятся реже
Вагоны и письма, друзья и стихи.

За нами плывет разноцветная осень,
Шуршащей листвы золотой тарарам.
Закат пробегает тоскующим лосем,
И солнце опаздывает по утрам.

А лица смуглеют, а высятся плечи,
И радостно в редком волнении встреч
Мешать мне с певучим зырянским наречьем
Родную, обычную русскую речь.

Якша на Печоре
1928

ВЕЧЕР НА КАМЕ

Всхожу на обветренный гребень,
Здесь волны в подножие бьют.
Хрустящая галька и щебень
Ломают походку мою.

А берег карьером обрезан,
Проходят, гремя, поезда,—
Горячую нефть и железо
И уголь привозят сюда.

Состав по уклону пронесся,
Равняя стремительный крен.
А Кама с широкого плеса
Приветствует ревом сирен.

Маячат смолистые баржи,
Буксиров медлителен ход.
И транспорт размеренным маршем
В степное низовье плывет...

Байдары за мысом пропали,
Игривость в посадке тая.
И в смехе вечерних купален
Растаяла дума моя.

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА

Где Соликамск
И холмистая Чёрдынь,—
Топали прежде
Боярские смерды
И приносили
Разбойный обычай:
Не уходить
Без богатой добычи.
Шли, нагружая
Доверху расшивы
Векшей
И соболя синим отливом,
А плоскодонок
Широкие спины
Сплошь выстилали
Пером и пушниной.
Плыли по топям,
Зыбучим и темным.
Были излуки лесные
Путем их.

Путь пролегал
Неизведан и долог—
Пермь и Урал,
Котловина и волок...

* *
*

Строганов—
Первый купец и боярин,
Царь и хозяин
Лесов, солеварен,—
Вторгнулся в край
Неизвестный и новый
На продымленных стругах
Ермаковых.
Так возникала
И крепла „Рассея“...
Нынче находим ее по музеям,
Где запылилось
В Кунгуре, в Усоли
Давних времен
Боевое дреколье.

Чердынь
1928

*„Мы подняли руки
За бодрую песню“.*

Вл. Ситов

ЗА БОДРУЮ ПЕСНЮ

* * *

Дрогнет стих—
И лица выше,
Светлой радостью полны.
Слышу пульс
И голос слышу
Молодой моей страны.

Песня!
Снова ты со мною.
Высоко вскипишь струей,
И ответною струею
Сердце выльется мое.

И легко
Сойдутся строчки,
Станут ровно
В стройный стих,
Улыбаясь многоточьям
И смеясь на запятых.

БОДРОСТЬ

Есть что-то в нашем поколении,
Неодолимом и простом,—
Как ветка тонкая сирени
И как густой весенний гром.

Еще шальба не расплескалась,
Но знают голос и рука,
Что сдержанная возмужалость
Совсем—совсем недалеко.

Пока растет и крепнет мускул
И пух спешит губу обвить,
Несем веселую нагрузку
Учебы, жизни и любви.

И путаем, и повторяем,
И ошибаемся подчас.
Но кто находит—не теряя?
Кому удача—в первый раз?!

И как поэту—много-много
Упрямых строчек покорить,
Чтоб жизни ласковой и строгой
Поэму звучную сложить,

Так—всякую земную ношу
Нести, не дрогнувши плечом...
Мы этот век зовем хорошим
И песни бодрости поём!

1927

ДРУГУ

Ты говоришь, что мы теперь не те,
Совсем не те, какими раньше были:
Уж не кружит свинцовая метель,
И вихри огневые откружили.

Но, милый друг, всему свои пути,
Не каждый день идет одной дорогой.
На отдыхе—смеяться и шутить,
В походе—в шорох вглядываться строго.

Былая жизнь казалась нам пестра
Той прелестью тревоги и шумихи,
Что ночью подымала от костра
Усталых, истомившихся и тихих.

И часто даже маленький предлог—
Ружейная пустая перебранка
Взметала нас в горячее седло
И мчала на разведку спозаранка.

Вот потому, багрянцем отсияв,
Рассвет встает теперь такой красивый.
Вот потому-то радуюсь и я
На зреющие солнечные нивы.

Под знаменем счастливого конца
Погашены огни на бивуаках,
Но память их останется в сердцах,
Как первая сигнальная атака.

И вот, сейчас,—спокоен мирный труд,
Мы встали каждый,—кто к чему прилажен.
Но будут дни, и дни нас позовут,
И в этот раз, быть может, оба ляжем.

ИЗ БЛОКНОТА

Журчит по строчкам ямб,
Играя и шая.
И солнце — по полям,
И нежится земля.

Лукавый и простой,
Приходит к нам апрель—
Грачиной суетой,
Ручьями во дворе.

Встречай, веселый гул,
Веселого меня!
Уж брезжат на снегу
Косые зелена.

Теплеют дни,—и вот,
Лицом перетемнев,
Под тяжестью забот,
Встает весенний сев.

А ты, моя страна,
Готовишься и ждешь:
Удачна ли весна
И скоро ль первый дождь?

Дорожная лоза
Чернеет там и тут.
Последние воза
Проселками идут.

Из сел, где по утрам
Восходы хороши,
К шумливым городам
Распутица спешит...

Гуляет под окном
Покой вечеровой.
Пока мы с ним вдвоем,
Я стих читаю свой.

А мысли далеки—
Уносятся к полям,
И в такт крутой строки
Журчит короткий ямб.

ЗЁРНА

Отборное семя—пшеница и рожь!
Не тронут ни сырость, ни ржа.
Ты к закрому шагом поспешным идешь
И горсти проносишь, зажав.

Ты пробуешь зерна на вкус и на цвет—
Такой золотой уголек!...
Встает над полями багряный рассвет,
Сев яровой—недалек.

* *
* *

Распахан, разрыхлен, засеян загон—
Весенний ликующий сев!
Теплое семя ложится в ладонь,
Цветочною пылью осев.

Ты поднимаешь богатство страны
Тысячей тысяч рук.
Большие заботы для зерен нужны—
Удача дается не вдруг.

Ты собираешь хозяйство свое
Под общую крышу—одну.
Слышишь?—Зерно, созревая, поет,
Славит твою страну.

ПОКА НЕ УМЧАЛ ТРАМВАЙ...

РАБФАКОВКЕ

Тебя уносил трамвай,
И гасли во мгле глаза,
И я позабыл слова,
Какие хотел сказать...

Мелькнули на миг года,
Большие года, как жизнь.
Вспомнились: рожь, лебеда
И васильки во ржи.

Такими, как ты была,
Я видел с тех пор других.
И—много горячих глаз,
Пожатий тугой руки.

Весною в разлив полей
Пришла городская цвель,
И стала весна нежней
На сводах лесных гореть.

И нам зацвели пути—
Учиться и строить жизнь.
А помнишь мой первый стих
И—васильки во ржи?

Теперь за трамвайный круг
Уходит усталый день.
Ты новым заботам—друг,
И радость—в другом труде.

И часто—в вечерний час
На книгу глаза прольешь.
В затонах глубоких глаз—
Отрадный и теплый дождь.

И любо—через года—
Родные вернуть слова
И сердце огню отдать,
Пока не умчал трамвай.

ВСТРЕЧА

На вид такая ж, как и все,
С глубоким и задорным взглядом.
Ах, как я рад, что твой сосед
Освободил мне место рядом!

Какое множество дорог
Я в этот час короткий вспомнил,
Но вспомнить лучшую не мог
Под громыхающие звоны.

И облик станции глухой,
Где был недолго и случайно,
Я унесу теперь с собой
И буду радоваться тайно.

А ты, в вагонной суете,
Как многие, скользнувши мимо,
Заставишь снова улететь
В погоню за неповторимым...

Я не нашел—о чем сказать
И попросил твою газету.
Навстречу вскинулись глаза
Хорошим и простым ответом.

И сразу—быстрые слова,
Далеко от дорожной дремы...
И—было слов не оборвать,
Как будто мы давно знакомы.

И, зная, все ж тебя не знал,
Тогда склонившуюся близко.
Смотрел и думал:—кто она,
Рабфаковка или курсистка?

А поезд, минув много мест,
Нас нес, покачивая шатко...
И ты промолвила: „На с'езд,—
От фабрики я, делегаткой“.

И вот, в минутной тишине—
Станковая и дрожь, и ковка...
Пока путейская шинель
Не выкрикнула остановку.

Я попрощался, уходя,
И встал—в раздумьи—на перроне:
Быть может, на меня глядят
Глаза оставшейся в вагоне.

ПИСЬМО ВУЗОВКЕ

Т. И.

Я забыл твой смех и почерк,
Уж давно погасли письма,
А других хороших строчек
Написать не собрались мы.

Где бывала аккуратность?
Посуди-ка, в самом деле:
К Ленинграду и обратно
Ходит почта три недели.

И добро бы, если б жил я
Где-нибудь в печорских чашах,
Плел оленьи сухожилья,
Для друзей бы слыл пропащим...

Жизнь моя тебе знакома,
По обычному простая...
—Вдаль катиться снежным комом,
И кружась и вырастая...

Да порой в тоске-кручине
Думать вечером зеленым:
По какой такой причине
Мы не ладим с почтальоном?

... Или гул аудиторий,
С жаром лекций и вопросов,
В молодом своем задоре
Голос девичий уносит?...

Я сказать хотел иное,
Только... может быть, права ты...
Если спросят: кто виновен?—
Скажем: оба виноваты!

1928

КОМСОМОЛКА

До той поры, пока в ресницы
Не ляжет голубая тень,
Кудрям взлохмаченным не спится,
И на открытые страницы
Нередко сходит новый день.

А там—опять вплотную, рядом:
Рабфак, кружки, ячейка, клуб
(Часов нехватка—вот досада!)
И радость, схваченная взглядом
В минутной встрече на углу.

А ведь любовь—не в счет нагрузки,
Какое ж время ей отвести?..
Растеребивши ворот блузки,
Напишет пару строчек узких:
— „Сегодня,
Без четверти шесть“.

Вот этой четвертью успей-ка
Весне двадцатой дань отдать!
С шести собирается ячейка—
Ребят шумливая семейка,—
И всюду надо поспевать!

* * *

Помню вечер:
Над темными крышами
Лег закат вишневой тесьмой.
Я сидел у окна,—
Не слышал,
Как принес почтальон письмо.

На конверте—косые строки
Разбрелись,
Как стадо коров.
Эх ты, Марко,
Братан далекий,
Знать, не шутка—держать перо!

Со страницы
Цветистым клевером
Потянулась родная быль,—
Опахнула
Ветренным севером,
Простором его голубым.

Знаю:

Там, на кудрявом выгоне,—

Смех и песни

Вот в этот час...

У меня ж,

Над раскрытой книгою,—

Догорающая свеча.

Знаю:

Многое память нанижет,

Только я не люблю вспоминать.

Но сейчас—

И милей и ближе

Незабытые имена.

В каждой строчке родное слышу,

Как, бывало, весной, в бору...

Пишет Марко:

— „В колхозе крышу

Нынче ставим на новый сруб.

О тебе справляется Глаша:

Как, мол, там в городе живет?...

А сестренка Анютка наша

За Ивана зимой пойдет“...

Снова вижу Глашины косы,

И скамью у избы,

И качель,—

Серебристого смеха россыпь

Убаюкиваю на плече.

.
За окном затихают шумы,
Потускнела заката тесьма.
Стало жаль уходящей думы
И—прочитанного письма.

В СЕМНАДЦАТОМ

Быть может, вестью о весне
Февраль угрюмый растревожен,
Но было что-то в этом дне
На день обычный не похоже.

Гудели площади с утра,
Ручьем сливались переулки.
И подбирался чуткий страх
К особнякам, глухим и гулким.

И ветер в красном полотне
Свистал мятежные рулады.
А где-то в сумрачном огне
Уже дымились баррикады.

Почувяв бешеный разбег,
В галоп зацокали копыта.
И под ногами хрустнул снег,
Толпой обшарканный и взбитый.

Ловя нагаечную вязь,
Туман багровый слушал крики,—
Стране проснувшейся дивясь,
Такой большой и многоликой.

А там, где вместе кровь и боль
Потоком пенистым стекались,—
Земля, вспоенная борьбой,
Весенней лаской излучалась.

.

Но кто-то вымолвил: „Шалишь“!,
Прицел переставляя ниже,—
И был раструб дворцовых крыш
Снарядом начисто обстрижен...

МАРТ

Теплеет, и робкой капелью
Кой-где уж сочатся снега.
По взрыхленной солнцем панели
Скользит необычно нога.

На зданиях, дальних и ближних,
Веселые всплески зари.
И вот, обнаженный булыжник
Играет, цветет и горит.

И вновь—в стихотворном азарте
Поэтам твердить без конца,
Что песни лиричнее в марте,
Что в марте напевней сердца.

Но все изменяется в мире
В стремленьи вперед и вперед,
И каждый неистовый лирик
Лады боевые берет.

В тревоге, поставив на карту
Возможность побед и невзгод,
Рождался не с этим ли мартом
Железный семнадцатый год?!

—Так же струились и пели
И так же звучали снега,
Но твердо ступала нога
По взрыхленной солнцем панели.

МАЙСКИЙ МАРШ

И годы становятся старше,
И мы вырастаем за ними.
Но поступь весеннего марша
Храним, как любимое имя.

И маршем выходим на площадь,—
По улицам песней пролиться.
Не эта ли песня полощет
Сегодня в селе и в столице!

Ударит кипучее слово,—
И снова нахлынет и встанет
Суровость фабричных маевок
И первая радость восстаний.

А ветер, свистя над Невой,
По новому волны вскурчавит,—
Бурливой и пенной гурьбою
В балтийские воды отчалить.

И волны напевом походным
Звучать по морям не устанут,
Будя перекличкой свободы
Чужие, далекие страны.

Ленинград
1927

ТОВАРИЩ БОРОК

Памяти организатора
вологодского комсомола—
т. В. Борок, замученного
бандитами на юге.

Вечерней прохладой
Пахнул ветерок,
Плывут и колышутся тени..
Ты в ночь не доедешь,
Товарищ Борок,
Сверни-ка на отдых
В селенье.

Дорога спустилась
В низины полей
И, в плеске
Пшеничного шума,
Усталые кони
Бегут веселей,
И легче о будущем думать.

Вот эта,
Кипевшая боем, земля
Тучнеет,
Как полные соты,
И ждут
Молодые луга и поля
Большой и упорной работы.

Над желтой соломой
Хохлатых станиц,
Над пашней,
Над степью ковыльной,—
Вихрастой ватагой
Приятельских лиц
Встают незабытые были.

И Север встает,
Как знакомый порог
Родного и близкого дома...
— Ты помнишь?—
Весной провожали,
Борок,
Тебя,
Под цветенье черемух...

И с каждым пожатьем—
Тугая рука,
А взгляд—
Благодарен и долог.

Недаром застыл
Изумленный закат
На жарких платках
Комсомолок.

И снова,—
Как в тех—
Вологодских краях,—
Прокладывать
Первые тропы
Идет
Комсомольская юность твоя,
Кипучая сила
И опыт.

.

Вечерней прохладой
Пахнул ветерок,
Качаются синие тени.
Но путь твой
Еще не окончен, Борок,
Сверни-ка на отдых
В селенье.

Околица мимо...
И стелется пыль,
А улица пляшет
И тонет
В широком разгуле
Воскресной толпы
И в праздничном визге
Гармони.

И вдруг...
На дороге—
Бандитское:— „Стой!“
Короткая схватка
И ругань.
Три лошади
Вздыбились
Перед толпой
И враз
Проскрипели подпруги...

Хлестала и била
Сухая лоза
На тропах
Зыбучих и вязких.
И лентой кровавой
Легла на глаза
Зари догоравшей повязка.

Вели...
Колосился
Ячменный налив,
Спадая ступенями лестниц,
И тихо бродила
По краю земли
Еще не пропетая песня.

И глянул Борок,
Не увидев вокруг
Ни вольного брата,
Ни друга...

И лишь потянулась
Десятками рук
Безмолвная эта округа.

Он видел,
Как звезды,
Шатаясь, встают,
Луна пробирается краем...
— „Я гибну
За светлую правду мою,
За правду мою умираю!“

Но стон перервался
И—сабельный взмах...
— „На Север...
Това...ри...щи...“
— Поздно!
Все смолкло...
Ползли,
Спотыкаясь впотьмах,
Одни безучастные звезды.

ДАТЫ

Седая и синяя
Снежная хмарь
Старается старить
И хмурить,
Но крыльями чисел
Взмахнул календарь,
И стынут январские бури.

А солнце играет
На рытвинах троп
Пугливо,
Узорно
И ломко...
И мечется
Головою в сугроб
Со стоном сухая поземка.

Ветрам—бедовать,
И крепчать, и реветь
Волчихой голодной
На вспольи,
По избам, по клетям...

И— снова лететь,
И стискивать зубы
От боли...

Тогда-то,
Шагнув
Через снежный порог,
Встает знаменосная дата
И трубит, и рубит
Настойчивый рог,
Скликающий
Друга и брата.

Февраль голубеет
Над новой Невой,
По мартовски необычен,
И движет проспектами—
В рост мостовой—
Толпы боевое обличье.

И ветер покорен,
И ветер утих,
Мурлычит котенком
В знаменах,
Вплетая ленивый
И ласковый
Стих
В рулады мятежного
Звона.

Но режет и нежит
Веселая прель
Весны, золотые ступени.
И молодо, вольно
Смеется апрель
Бурливым разливом
Весенним.

Проходит пора—
Усыхает земля,
Мелеют и малятся реки.
И млеют
Под знойною лаской
Поля,
Лелея труды человека.

* * *

И вот—на лиман—
Лебединый полет
Над взморьем,
Над пашнями где-то.
И снова листы
Календарь повернет
На смотр
Уходящего лета.

Суровые росы
В сентябрьскую сыпь
Сливаются
В сумерках суток.

И мы, терпеливо теряя часы,
Упорно считаем минуты.

С утра
Спозаранок
Уходит заря.
И месяц—бледней на откосе.
Но—пламенно-красным числом
Октября
Пылает восторженно осень.

Грохочущий город—
В преддверьи зимы,
А взоры—лучисты и сини.
И зевы орудий,
Спокойно-немых,
Торжественно смотрят
На Зимний...

* * *

И в каждом—победа.
И каждый—солдат...
Чье сердце
Приветом согрето—
Великие знаки
Событий и дат
Прославит
Словами поэта.

В Д О З О Р Е

ПЕСНЯ О ФРУНЗЕ

Винтовочка — каленая,
Свинцовый соловей.
Буденовка зеленая
На буйной голове.

Эх, пели пули, плакали
Кровавою слезой,
Мы в бой тогда атаками
Бросались за тобой.

Поезжено, похожено,
Порублено с плеча,
Ой, весело пригожего,
Любимого встречать!

Цвели степные зорюшки
Без края, без конца,
Не знали горя-горюшка
Кипучие сердца.

Над белыми станицами,
По крымским берегам
Потоком буйным литься мы
Умели на врага.

Гроза ли, непогода ли—
Под знаменем стоим.
Воротим то, что отдали,
Что взяли—не сдадим.

И были ветры-вороги
Развеяны, как дым.
Денечки эти дороги
Горячим, молодым...

Пулям твоим победами
Цвести бы да цвести...
Не знали мы, не ведали
Последнего пути:

Нести порой студеною,
В октябрьскую метель,
Буденовку зеленую
Да серую шинель.

Эх, плачь ты, вьюга-вьюженька,
Родимая,—крепчай,
Винтовочка-подруженька
Не дрогнет у плеча!

ЧАСОВОЙ

Закат погас за рубежом,
Гряда лесов темнеет.
Во мгле—с винтовкою вдвоем—
Стоит красноармеец.

Легла сквозь горы и поля
Советская граница...
Э-гей! Верней гляди, земляк,
Туда, где враг таится,

Туда, где мрак к тропе притник,—
Подслушать переключку.
Сегодня звонок острый штык,
И пули—на отличку.

Недаром вспомнились—в боях
Крутые переходы.
И снова армия твоя
Знакомый путь проходит.

Спокойно-четок ровный шаг
Развернутого марша.
В дыму походных передряг
Мы—опытней и старше.

Добыты труд, и хлеб, и сон,
И стройки нашей грохот,
И этот зоркий твой кордон—
Военною эпохой.

Э-гей! Верней гляди, земляк,
Туда, где враг таится..
Легла широко по полям
Советская граница.

* * *

Стихли улиц голоса,
Ветерок подул резвее.
Возле склада, на часах—
Молодой красноармеец.

Шлема острую иглу
Шаг размеренный колышит...
Налегла ночная глубь
Темным пологом на крыши.

Спит усталая земля,
По садам грустят сирени,
Часового чуткий взгляд
Ловит шорохи и тени.

Думка зайцем пробежит,
Незатейливо-игрива:
— „В эту ночь бы у межи
Вместе с милой слушать нивы!“.

РАЗВЕДКА

За сумрачным бором
Не видно огней,
Давай-ка, пришпорим
Горячих коней,

Давай-ка, ударим
По темным камням,—
Сулятся стожары
Удачею нам.

В лесистых оврагах
Добудем врага,
И будет отвага
Врагу дорога,

И будут короче
Клинок и рука...
Но только бы в ночь
Доскакать до полка!

Тропинкою редкой,
Средь кочек и пней,
Торопит разведка
Храпящих коней.

НА КРЫЛЬЯХ

Наперебой—и сердце и мотор,
Но как легко—в безоблачном просторе!
Послушен руль. Полет упряма и скор.
Не устает пропеллер тараторить.

А взгляд пилота радостен и строг,
Он знает мощь, стихию знает тоже,—
Нет для него знакомее дорог,
Чем это голубое бездорожье.

И если ветер вдумает крепчать,
Громады туч нахмуренно застынут,—
Рука спокойно ляжет на рычаг
И повернет крылатую машину...

А там, внизу,—деревни и поля,
В кольце лугов—разгон зеленых пашен.
Привет тебе, советская земля,
Ты с высоты—еще родней и краше!

А были дни...—Отвес окопных стен,
Шальная смерть у вражеского стана,
И крыльев дрожь, и судорожный крен
Простреленного аэроплана...

Пусть отошли тревожные года,
На смену им—хозяйские заботы,
Но мы умеем так же, как тогда,
Готовить к бою наши самолеты.

Пусть боя нет... Но крылья нам нужны
Встречать утрами дымчатые зори
И на часах у солнечной страны
Неутомимо будущность дозорить.

1927

ПЕРЕЛЕТ

Участникам звездного
перелета 1928 года

Легкий ремень. Кожанка. Шлем.
Летчик руки пожал всем,
И—прыжку молодому в такт—
Резко выбросил: „Есть контакт?“

Не услышал за шумом—„Есть!“—
Над рулями склонился весь,
Напряжен и привычно строг,
Меря светлую гладь дорог.

И вприпрыжку, как журавель,
По зеленой тугой траве,
На тяжелом своем шасси
Самолет разбежался в синь.

* * *

Было утро. Десятый час.
Лунный диск за холмом угас.
В центр страны с девяти концов
Стая вылетела гонцов...

Крепнет ласка воздушных струй,
Ближе—к солнечному костру.
Полдень жаворонком поет.
Хорошо начался полет.

А в кабине бледнел человек:
Двести метров в секунду—бег!
Но бензин не устанет течь,
И спокойна мотора речь.

В буйной выси—и час и два.
Скоро станет видна Москва.
Только... вдруг... вихревой клубок
Горизонта ширь обволок.

Закрепивши рули высот,
Зубы стиснул, как мог, пилот...
С вихрем вместе помчался он
Под мотора... неровный звон.

Стал попутчиком славным вихрь —
И в Москве увидали их:
На короткие два крыла
Туча коршуном налегла.

Самолет над толпой повис,
Закачался—и рухнул вниз...

.
Миг—длиннее, чем вечность, был...
Мотор выравнялся—и застыл.

БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ

Года лихие вспомнятся
И в вихре канонад
Буденовскою конницей
В атаку пролетят.

Попрежнему не делим мы
Заботы от утех,—
Тяжелыми неделями
Венчается успех.

* * *

Разгулами просторными,
Крутя кривую плеть,
Над пашнями, над горнами
Гарцует лихолеть.

И не пристало медлить нам
И мешкать—не с руки.
... Казачество Каледина,
Деникина полки.

Махновским гиком вспенена,
Расти, цветы, трава.
Опознана, оценена
Бандита голова!..

Так пусть „Льюисы“ хóркают,
А танки—за бугром...
С последнею махоркою,
С прогорклым сухарем,

С частушкою упрямою:
— „Ах, яблочко, не тронь!“
За Волгою, за Камою
Развертывался фронт.

В клинок ряды запаяны,
Ведут в кольце огня
Котовские, Чапаевы
На взмыленных конях.

Густыми эшелонами
Грохочут поезда,
И бьется над вагонами
Лучистая звезда.

Ладони жжет шершавые
Винтовочный приклад.
От Омска до Варшавы
Распутица легла...

* *
* *

Но вот ушла бессменная
Военная пора...
Походку степенную
Ладят трактора.

Под солнцем беззастенчиво
Цвети, расти трава!
Чтоб вѣтрам переменчивым
Листа не оборвать.

Страну залихорадило
Теперь в другом огне:
О новых битвах радио
Сегодня скажет мне.

Над стройкой в ночи темные
Рефлекторы горят.
Над шахтами, над домнами
Курчавится заря.

И на поля колхозные
Летит завода зов.
Гудками паровозными
Поёт разгон лесов...

Воинственными звонами:
Не тронута страна,
Надежными кордонами
Она ограждена.

Для новых вражьих натисков
Отточены штыки.
Метет винтовка начисто
С колена и руки.

Под шлемом—кудри змейкою,
И в них я узнаю
Красу красноармейскую—
Молодость свою.

Кипи, играй, желанная,
Песнею звени:
Тебе даны чеканные,
Отчетливые дни!

Шути и разговаривай,
Шустрая сестра,
Пока не вспыхнет зарево
Бивачного костра!

1929

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
УТРО КРАЯ	
Пятилетка Севера	7
Октябрьская лирика	10
Архангельск	13
Песня лесорубов	15
Округ	17
Повесть о паровозе	19
Остров Мудьюг	23
Котлас	26
Самоеды	28
Стихи о холмогорской корове	30
Рыбак	32
На Печоре	33
Вечер на Каме	35
Пермская старина	36

ЗА БОДРУЮ ПЕСНЮ

Дрогнет стих—и лица выше	41
Бодрость	42
Другу	44
Из блокнота	46
Зёрна	48

ПОКА НЕ УМЧАЛ ТРАМВАЙ.

Рабфаковке	51
Встреча	53
Письмо вузовке	55
Комсомолка	57
Помню вечер	58

ДАТЫ

В семнадцатом	63
Март	65
Майский марш	67
Товарищ Борок	69
Даты	74

В ДОЗОРЕ

Песня о Фрунзе	81
Часовой	83
Стихи улиц голоса	85
Разведка	86
На крыльях	87
Перелет	89
Боевая красноармейская	91